

Н. Долинина

Обед в честь Багратиона

Поражение под Аустерлицем произвело в Москве странное впечатление. Сначала все недоумевали и старались не говорить о войне. «Но через несколько времени... были найдены причины тому невероятному, неслыханному и невозможному событию, что русские были побиты».

Надо сказать, что среди этих причин, найденных московскими «тузами» из Английского клуба, некоторые были справедливы: действительно, войска плохо снабжались продовольствием; действительно, молод и неопытен был царь. Но главной причиной поражения московские болтуны объявили «неспособность» Кутузова и, чтобы подчеркнуть нерасположение к нему, воздавали почести другим героям войны — в особенности Багратиону.

Война не кончилась, но приостановилась. После победы при Аустерлице Наполеон мог свободно диктовать свои условия австрийскому императору Францу. Он потребовал, чтобы русские войска ушли из Австрии, и это было выполнено. Наполеон заключил с Австрией выгодный для себя мир и отправился в Париж, а русские войска вернулись на родину, и многие офицеры получили отпуск, в том числе Денисов, Ростов и Долохов, уже к Аустерлицу вернувший себе офицерский чин.

И вот они все трое — блестящие победители, как будто не было Аустерлица, — сидят на обеде, устроенном членами Английского клуба в честь Багратиона.

«Право, папенька, я думаю, князь Багратион, когда готовился к Шенграбенскому сражению, меньше хлопотал, чем вы теперь», — сказал Николай Ростов отцу накануне обеда и был прав: Илья Андреевич сбился с ног. Один только список того, что он заказывает для празднества, производит ошеломляющее впечатление: «Гребешков, гребешков в тортю положи... стерлядей больших... Ах, отцы мои!.. Да кто же мне цветы привезет?.. Скачи ты, Митенька, в подмосковную... чтобы мне двести горшков тут к пятнице были... Надо ведь еще песенников. Музыка у меня есть, да цыган, что ли, позвать?.. Возьми ты сейчас сани парные и ступай ты к Безухову и скажи, что граф, мол, Илья Андреич прислали просить у вас земляники и ананасов свежих... а оттуда, вот что, поезжай ты на Разгуляй... найди ты там Ильюшку-цыгана...»

Нет ничего дурного в том, что хлебосольный старый граф, вкладывая свои деньги, изо всех сил старается как можно лучше устроить обед в честь героя войны. Невнятное раздражение возникает, когда читаешь, какие рассказы ходят о каждом из гостей. «Тот спас знамя, тот убил пять французов, тот один заряжал пять пушек. Говорили и про Берга, те, которые не знали его, что он, раненный в правую руку, взял шпагу в левую и пошел вперед. Про Болконского ничего не говорили, и только близко знавшие его жалели, что он рано умер...»

Илья Андреевич Ростов, и младший сын его Петя, жадно слушающий рассказы о войне, и штатский Пьер, и старики из Английского клуба — все они, конечно, свято верят этим рассказам. Но мы-то, знающие, как все было на самом деле, — мы видим, что война отражается в московских разговорах, как в кривом зеркале: неверно, уродливо. Героем выглядит Берг! Как исказилось бы лицо князя Андрея, если бы он вошел в заполненные гостями комнаты клуба, услышал этот «стон разговаривавших голосов», увидел это движение мундиров, фраков и кафтанов, снующих, «как пчелы на весеннем полете...»

Сам Багратион чувствует себя растерянным «в новом узком мундире с русскими и иностранными орденами и с Георгиевской звездой», с только что подстриженными

волосами и бакенбардами, с наивно-праздничной улыбкой, придающей «даже несколько комическое выражение его лицу». В дверях его стараются пропустить вперед, он останавливается — происходит нелепая сцена; наконец Багратион проходит вперед.

«Он шел, не зная, куда девать руки, застенчиво и неловко, по паркету приемной: ему привычнее и легче было ходить под пулями по вспаханному полю, как он шел перед Курским полком в Шенграбене». Николая Ростова он узнал и сказал ему «несколько нескладных, неловких слов, как и все слова, которые он говорил в этот день».

Толстой не жалеет иронии, описывая положение Багратиона во время обеда. Ему подносят на серебряном блюде стихи. «Багратион, увидав блюдо, испуганно оглянулся, как бы отыскивая помощи. Но во всех глазах было требование того, чтобы он покорился. Чувствуя себя в их власти, Багратион решительно, обеими руками, взял блюдо и сердито, укоризненно посмотрел на графа, подносившего его. Кто-то услужливо вынул из рук Багратиона блюдо (а то бы он, казалось, намерен был держать его так до вечера и так идти к столу) и обратил его внимание на стихи. “Ну и прочту”, – как будто сказал Багратион и, устремив усталые глаза на бумагу, стал читать с сосредоточенным и серьезным видом...»

Багратион — замечательный полководец, герой. Но в «Войне и мире» у меня есть к нему один счет — за Тушина. Не могу простить ему маленького капитана Тушина, испуганно стоящего перед ним в штабной избе под Шенграбеном. И вдруг — странное дело — Багратион в Английском клубе начинает напоминать Тушина. Никто его не ругает, не разносит — наоборот, все его чествуют, посвящают ему стихи и кантаты; но он теряется не меньше, чем Тушин в штабе, и неприятна ему вся эта показная пышность, и чем-то, наверное, все-таки приятна...

Идет обед, посвященный Багратиону. Но у людей, сидящих за столом, свои дела, свои отношения между собой. Эти дела и отношения невольно врываются в торжественный ритм обеда и затмевают его, они уже важнее для людей, чем война, которая была вчера, а сегодня отошла в прошлое.